

Г.Н. Иванова-Лукьянова

Ритм прозы: слог, синтагма, интонаема

В 2017 г. вышла в свет монография по истории ритма русской прозы «Ритм прозы от Карамзина до Чехова», подготовленная авторским коллективом под редакцией проф. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой. Книга посвящена Михаилу Викторовичу Панову, труд которого об истории языка русской поэзии вышел посмертно в 2018 г.

DOI 10.20339/PhS.4-18.110

В монографии рассматривается история ритма прозы за период XIX в. Этот период как бы искусственно выделен в истории России — для того, чтобы показать, как развивался литературный язык в течение 100 лет на примере изменения прозаического ритма в произведениях русских писателей. Имена Карамзина и Чехова создают своеобразную рамочную конструкцию существования литературного языка, символизируя возникновение русской прозы с появлением «Бедной Лизы» в 1796 г. и завершение прозы XIX в. смертью Чехова в 1904 г., когда проза еще сохраняла строгость русской классики, но в ней уже прорастали черты новых форм и литературных течений.

Ритм есть способ существования жизни во всех ее проявлениях. Трудно найти более широкое понятие, чем ритм, а ритм прозы — это только небольшая часть проявления ритма в жизни и литературных произведениях.

Однако вопрос о ритме прозы как о способах фонетического оформления литературного языка оказался столь объемным, что он вышел за пределы словесности и вскрыл множество других ритмов, которые определяли жизнь русского общества в XIX в. Ведь именно литература со всей полнотой отражает жизнь, поднимая вопросы социального, нравственного, культурного, психологического свойства.

Универсальной формой существования жизни является ритм. Эту форму отражает не только литература, но и история как периодизация жизни страны, и социология как наука о развитии общественного сознания, классовых и социальных отношений...

Ритм лежит в основе мироздания (ритмы космические, природные), и человек как часть мира тоже живет по закону ритма. При этом в человеке ритмы внешние взаимодействуют с ритмами внутренними. Организм человека испытывает космические ритмы, но и его собственный организм подвержен внутренним ритмам — периодичности ударов сердца, вдохов и выдохов. Оба эти ритма (ритм сердца и ритм дыхания) уже не раз служили исследователям в изучении ритма прозы.

Кроме этих двух ритмов, мы включили в свое исследование еще ритм эмоциональных подъемов и спадов. Различные эмоции следуют в человеческом теле не хаотично, не беспорядочно, а тоже подчиняясь органическому ритмам. Эмоции передаются с помощью интонации. Есть эмоции положительные и отрицательные, и есть интонация восходящая и нисходящая. «От печали до радости — одно лишь мгновенье», — поет Юрий Антонов. Но есть еще и промежуточные эмоции, и для них промежуточный тон, который мы назвали ровным. Музыканты считают, что музыка — это чистые эмоции. Эмоции в музыке, как и в речи, передаются интонацией.

Интонация языка и речи служит для оформления синтагм, фраз и предложений. О близости речевой и музыкальной интонации говорит сходство таких смежных терминов, как фраза и предложение.

Отношение человека к ритмам, которые бьются в его теле, ученые, занимавшиеся исследованием ритма прозы, назвали «ритмической тенденцией». Это означает естественное стремление человека к ритмизации своей и чужой речи, потому что ритмичность приятна для слуха, она связана с понятиями

¹ Ritm prozy ot Karamzina do Chehova: monografiia / pod red. d-ra filol. nauk, prof. G.N. Ivanovoi-Lukyanoi. Moscow: FGBOU VO MGLU, 2017. 336 s.

Ритм прозы от Карамзина до Чехова: монография / под ред. д-ра филол. наук, проф. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 336 с.¹

ISBN 978-5-88983-848-7

лада, гармонии, она объясняет тягу человека к музыке. Тогда как нарушение ритма внутреннего и внешнего настораживают и пугают человека: он связывает их с понятиями борьбы, страдания, боли.

Ритмическая тенденция имеет прямое отношение к ритму речи и литературного языка. Ведь когда человек, живущий по законам ритма, пишет прозаическое художественное произведение, то его внутренний ритм, проходя через его голову, сердце, руку, преобразуется в ритм прозы и в таком оформленном виде ложится на бумагу. Этот ритм и является предметом нашего исследования.

В изучении ритма прозы самым спорным вопросом был вопрос о фонетических единицах, измеряющих ритм прозы: их количестве, функциях и способах подсчета. До сих пор не сложилось единого мнения по этим вопросам — ни в России, ни за рубежом.

Для создателей монографии также важным и трудным был вопрос о подаче иллюстративного материала, таким способом, чтобы ритмичность прозы не только воспринималась на слух, но и прочитывалась глазами, уже в графической записи.

Авторы надеются, что своеобразная «ритмограмма» записанных текстов поможет читателям ощутимо воспринять их ритмичность и насладиться лучшими текстами русской классики.

Ритм прозы давно привлекал ученых всего мира; история этого вопроса знает разные методики его оценки, но во всех случаях для подсчета ритма применялась только одна ритмическая единица, поэтому ни одна из методик не дала результатов, по которым вопрос о прозаическом ритме можно было бы считать закрытым.

Суть методики, предложенной в нашем исследовании, состоит в следующем. Мы рассматриваем ритм прозы как фонетическое явление, в котором в качестве ритмообразующих следует считать такие суперсегментные единицы:

1. Ударные слоги.
2. Длина синтагм.
3. Интонационное оформление синтагм (интономы).

Равномерность распределения этих единиц в рассматриваемом отрывке текста оценивается как признак ритмичности, а сбой в их распределении — как признак нарушения ритма. Подсчет регулярности в распределении этих единиц сводится к подсчету нарушений ритмичности выбранных единиц на фоне условно принятой «идеальной» ритмичности. В итоге это приводит исследователя к определению трех характеристик ритма прозы: **слововой, синтагматической и интонационной**. Характеристики представлены цифрами десятичной дроби, полученной в результате деления количества нарушений на число возможных реализаций. Таким образом цифры показывают:

1. Число нарушений в чередовании ударных и безударных слогов.
2. Число нарушений соразмерности длины синтагм.
3. Число нарушений в особом чередовании интоном.

Главная цель книги — наглядно и достоверно, с учетом математических показателей, представить картину ритма прозы русской классической литературы с его стабильностью и изменчивостью — за весь период XIX в.

Мы рассматривали только *описательные* тексты из произведений писателей XIX в. — с тем, чтобы сохранить строгость эксперимента по определению исторического изменения ритма прозы Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова.

Сравнение цифр ритмических характеристик в прозе этих писателей привело к следующим выводам. За рассмотренный период ритм прозы их произведений изменялся очень медленно, иногда почти незаметно. Но, как говорят средние показатели, он всегда сохранял при этом свои основные значения для каждого писателя. Наиболее контрастными оказались показатели у писателей, расположенных в начале и конце нашего перечня. Так, например, если проза Карамзина говорит о покое и умиротворенности, то проза Чехова звучит на грани нервного срыва.

Важным фактором сравнения ритмических показателей является наличие трех функционально значимых ритмических характеристик. Сравнение ритма разных писателей проходит не по всем

характеристикам сразу, а сначала по одной-двум. Все они вступают в отношения друг с другом, дополняя или контрастируя их. Каждая характеристика выступает в своей особой роли, и об этой роли лучше всего может рассказать контекст, высвечивая лексические, грамматические или фонетические особенности текста, тем самым подтверждая или опровергая оценки ритма, обозначенные под графической записью текста. Интересно, что оценки ритма важны еще и как самопроверка читателей, когда первоначальное представление о ритме какого-то текста получает достоверное подтверждение правильности читательского слуха.

Авторы монографии выражают надежду, что проанализированные на ритмичность тексты (выше 600) помогут читателям в развитии их филологического чувства и ритмического слуха.

Основные выводы по историческому сопоставлению ритмов писателей XIX в. сводятся к тому, чтобы дать оценку каждой ритмической характеристике, объяснить ее взаимодействие с единицами других уровней (лексикой и грамматикой), с тем чтобы связать историю ритма прозы с глобальными общественно-историческими процессами русского государства, отраженными в развитии литературного языка.

Вот как выглядит картина ритма прозы писателей первой трети XIX в. Проза Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя отличается высоким уровнем ритма по слоговой характеристике. Эти тексты звучат размеренно и плавно. Средний показатель **слоговой характеристики**: 0,1–0,1,5; он не превышает двух слогов, то есть показателя 0,2. Следовательно, процент отклонений от идеальной ритмичности невелик: всего один-полтора-два сбоя на десять ударов пульса (если напомнить связь ритмичности текста с органическими ритмами человека). На протяжении всей книги читатели смогут наблюдать эту связь. Как, например, срывается пульс влюбленного Базарова (0,3) или как страдает Иван Ильич (от 0,3 в начале болезни до 0,4 в середине болезни и до 0,5 в описании смерти, когда нарушение ритма стало несовместимо с жизнью).

Если условно разделить весь XIX в. на три части — на начало, середину и конец века, допуская, с той же долей условности, что основная часть творчества этих писателей приходится на одну из этих частей, то к средней части века можно будет отнести прозу Тургенева, Гончарова и Л. Толстого, а к концу века — прозу Достоевского и Чехова.

В слоговой характеристике прозы писателей среднего периода XIX в. произошли незначительные изменения. Она представлена уже средним показателем 0,2–0,3. Этот же показатель в основном сохраняется и в прозе Достоевского и Чехова, то есть писателей, чье творчество можно отнести к периоду конца XIX в.

Средний показатель **синтагматической характеристики** для писателей всего XIX в. равен 0–0,1 с незначительными отклонениями. За 100 лет проза просияла невероятной чистотой ритмичности, высветив тексты Тургенева такой поэтической силой, что неслучайно исследователи ритма прозы в России привлекли внимание филологов к теме ритма прозы не только рядом работ по «Стихотворениям в прозе» Тургенева, но и созданием новой методики анализа ритма прозы с помощью подсчета количества слов в синтагме. Именно это открытие А.М. Пешковского, Б.В. Томашевского и др. ученых мы использовали в качестве синтагматической характеристики ритма прозы. Но только с той разницей, что мы принимали в расчет не просто величину синтагм, а только количество контрастных по величине соседних синтагм, что и создает осязаемое на слух нарушение ритма.

И наконец, показатель третьей, **интонационной, характеристики**, на которую никто из исследователей прежде не обращал внимания. Интонация синтагмы, называемая интономой, создает ее музыкальность, неизменно связанную с эмоциональностью. Музыканты всегда связывают музыку произведения с его эмоциональностью. Подобно этому и в нашей теме ритмичность прозы связана с эмоциональностью текста и зависит от сочетания в нем различных интоном. Как ноты, организующие музыкальный такт и создающие гармонию музыкальной фразы и всего произведения, интономы, со своим способом интонационного оформления синтагмы, тоже создают музыкальность предложения и всего текста. Каждая интонома имеет свое направление тона. Как и в нотах, в просодии ритмичным считается сочетание разной направленности тона, тогда как в сочетании одинаковой направленности тона слышится нарушение ритмичности. Именно интонационный показатель ритма прозы и выдал

значительные изменения в ритме прозы, которые последовательно утяжеляли ритм, начиная с момента зарождения русской прозы (0,28), далее едва заметно усиливались в творчестве писателей среднего периода XIX в. (0,33) и значительно увеличивались в прозе Достоевского (0,55) и Чехова (0,6). Так динамика в показателях ритмических характеристик высветила путь дальнейшего развития ритма прозы — его устремленность в прозу XX в. с учетом эмоционального фактора описания героев в передаче их не только физического, но и психологического состояния.

По этой характеристике и сами писатели предстанут перед читателями книги как носители своей собственной интонации и эмоциональности. Карамзин — с глубоким и заботливым взглядом летописца, Пушкин, как «звезда пленительного счастья», Лермонтов, со своим «грузом разбитых надежд», Гоголь со своей фантастикой реальности, Тургенев, показавший поэзию человеческих чувств, Л. Толстой, познавший мудрость всех периодов жизни, Достоевский, живший между жизнью и смертью, Чехов со своей скрытой печалью.

Заключение

Смысл динамики интонационной характеристики помогает сделать **главный вывод** по изучению истории развития ритма русской прозы. Основные изменения в ритмике русской прозы XIX в. происходят за счет интонационной характеристики. Применение в исследовании ритма прозы не учитывавшейся ранее интонационной характеристики (из-за неразработанности теории интонации) свидетельствует о том, что на смену интереса к описаниям сюжетных изменений и поступков героев приходит обращение к их внутреннему миру и психологическому состоянию. Этот вектор и стал определяющим в прозе XX в.

Итак, исторические изменения в ритме прозы определили функциональную нагрузку и приоритеты всех ритмических характеристик: **слоговой**, которая соответствует **ударам сердца, синтагматической**, связанной с **ритмом дыхания**, и **интонационной**, отвечающей за ритм человеческих **эмоций**.

Мы оставляем открытым вопрос о том, как влияют ритмические характеристики на развитие литературного языка, рассматривая попутно вместе с изменением ритма изменения в лексике, фонетике и грамматике.

Подробное изучение этих связей может пролить свет на изменения в развитии и функционировании литературного языка в рассматриваемый период и в XX в., а также на прогнозы его жизни в XXI в.

Возвращаясь к глобальности понимания ритма, нельзя не затронуть вопрос о том, что ритм общественно-политической жизни России в XIX в. осуществлялся как волновой процесс со своими взлетами и падениями, и это неизбежно отражалось на надеждах и разочарованиях людей и социальных групп. Именно их эмоционально-психологические переживания и нашли отражение в ритмах текстов монографии.

Пиками таких взлетов можно считать 1825 г., 1861 г. и начало 80-х годов XIX в. Вокруг этих исторических вех ритмично расходятся волны различных энергий — политических, эмоциональных, идейных. В зависимости от того, какое место занимали они в рамках жизни каждого из писателей, объясняются изменения в развитии ритма их произведений.

Иванова-Лукьянова Галина Николаевна,
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)

Ivanova-Lukyanova Galina N.,
Dr. Sci. (Philology), professor
Moscow State Linguistic University (MSLU)

e-mail: ivanov0660@gmail.com

